Наследники и оборотни Империй

Конспирологическая повесть

Николай ЖДАНОВ-ЛУЦЕНКО

Николай Жданов-Луценко

Наследники и оборотни Империй. Конспирологическая повесть

«Издательские решения»

Жданов-Луценко Н. И.

Наследники и оборотни Империй. Конспирологическая повесть / Н. И. Жданов-Луценко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511879-0

Конспирологическая повесть «Наследники и оборотни Империй» — третья и заключительная часть трилогии «Вирусы ненависти», которую предваряли «Орлы Желтороссии» и «Корона императора или вирусы «Отряда 731». Действие происходит в послевоенный период, начинаясь с гражданской войны в Китае, победы Мао Цзэдуна над Чан Кайши и последовавшей вскоре Корейской войны. В эпилоге два советника по национальной безопасности Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский обмениваются мнениями о грядущем миропорядке.

ISBN 978-5-00-511879-0

© Жданов-Луценко Н. И.
© Издательские решения

Содержание

Наследники и оборотни Империй 6
1 7
2 15
– Так точно 19
3 23
4 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Наследники и оборотни Империй
Конспирологическая повесть

Николай Иванович Жданов-Луценко

© Николай Иванович Жданов-Луценко, 2020

ISBN 978-5-0051-1879-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай ЖДАНОВ-ЛУЦЕНКО

Наследники и оборотни Империй

(повесть, третья часть трилогии «Вирусы ненависти»)

****

«Сказка – ложь, да в ней намёк…» А. С. Пушкин

Наследники и оборотни Империй

(повесть, третья часть трилогии «Вирусы ненависти»)

1

Решение Советского Союза ударить по милитаристской Японии именно в Маньчжурии было продиктовано не только собранными советской разведкой данными, что с этой территории может начаться целый букет пандемий, который охватит СССР до Урала и даже в европейской части. Япония готовила это оружие массового поражения, не имея ресурсов и возможностей для создания атомной бомбы, но будучи морально готовой к истреблению десятков и сотен миллионов людей. Другим геополитическим аспектом такого решения Сталина была борьба за будущее своего соседа – Китая, огромного по территории и населению государства, которое разрывала гражданская война между Гоминьданом и коммунистами, тянувшаяся с переменным успехом с 1927 года. Кому достанется наследие Империи Цин – социалистическому лагерю или коллективному Западу в условиях, когда вслед за окончанием горячей войны, неминуемо начнётся «холодная», беспокоило советского лидера. Он понимал, что уже завтра против СССР может быть применено и ядерное оружие (к чему очень активно вскоре начал склонять США Уинстон Черчилль), и захваченное американцами бактериологическое оружие, созданное за десять лет в колоссальных масштабах «Отрядом 731». Поэтому продвижение к Харбину в ходе Маньчжурской операции должно было быть стремительным, в обход укрепрайонов и без длительных позиционных боёв.

…С момента возвращения из Советского Союза в Китай Цзян Цзинго прошёл большую эволюцию от наивного уральского юноши и убеждённого коммуниста Николая Елизарова к сыну своего отца Чан Кайши, стремящегося в хитросплетениях внутренних конфликтов и международного вмешательства, прямой военной агрессии и финансового подкупа удержать бразды правления и встать во главе древнейшей империи, способной влиять на всё человечество. Тот факт, что из романтика сын превратился в жёсткого управленца и политика, готового в случае необходимости к уничтожению врагов, был обусловлен как практикой борьбы за власть, так и долгими беседами с отцом, заново учившим обрусевшего юношу китайским реалиям.

– Скажите, отец, пока я учился и работал в Советском Союзе, как протекала первая фаза гражданской войны в нашей стране, вплоть до нападения японцев?

– Начало XX века – интересная и турбулентная эпоха, когда одна за другой начали рассыпаться, как карточные домики, империи, существовавшие веками – Австро-Венгерская, Османская, Прусская, Российская и наша Империя Цин. Словно какая-то мировая сила всё продумала и организовала во вселенских масштабах, сея хаос и массовую гибель людей. Первая мировая война стала самым беспрецедентным в истории человечества истреблением людей себе подобными. В нашей Серединной Империи накопилось очень много противоречий, связанных с алчностью и вмешательством западных варваров, которые привели к падению династии и революционным преобразованием. Мы тогда бок о бок действовали с отцом китайской революции Сунь Ятсеном, и он завещал мне продолжить своё дело, чтобы сделать Китай сильным и независимым. Но ресурсов у нас было недостаточно – как военных, так и материальных. К кому обратиться за помощью? Наш северный огромный сосед проходил через тот же хаос смены формации после гибели династии Романовых, и я отправился в Москву, воодушевлённый революционным подъёмом. Встречался с Троцким, другими видными деятелями большевиков. Но их позиция была двойственной: с одной стороны, они поддерживали меня, как наиболее сильную фигуру национально-освободительного движения. С другой – были во власти Коминтерна – всемирной организации масонского толка, которая стремилась подавлять

всё национальное и управлять разными странами через своих агентов влияния, пропагандируя космополитизм и демагогические лозунги. Наподобие тех, которые помогли взять власть Ленину – «Земля – крестьянам!» сказали большевики и отняли всё, проведя раскулачивание; «Мир народам!» и утопили страну в гражданской войне и «красном терроре»; «Хлеб голодным!» и уморили миллионы голодомором, хотя императорская Россия снабжала зерном весь мир. Коминтерн поддерживал и наших коммунистов, а мы же – «Гоминьдан» – партия националистов, а не интернационалистов, поэтому наш «медовый месяц» не мог продлиться долго.

– Но, отец, китайские коммунисты ведь тоже были националистами, только левыми. Вы даже начинали вместе и потом не раз объединялись. В чём конфликт и почему не удалось договориться?

– Ты прав – как и во время Гражданской войны в России, ни одна из сторон конфликта в Китае не хотела восстанавливать отживший свой век феодально-монархический строй, который только тормозил развитие государства. Война была столкновением двух идеологий, при этом обе стороны конфликта были националистами – правыми (мы) и левыми (они). Все реальные политики стремились к консолидации терзаемой анархией страны, еще до начала конфликта в 1923 году мы даже совместно состояли в Первом Объединенном Фронте. На этой стадии у нас был один общий враг – удельные «вожди», которые располагали на тот момент собственными вооруженными формированиями. Гоминьдан был абсолютно лидирующей силой, а коммунисты ничем, фантомом, который, как паразит, вошёл в наше тело и стал разъедать изнутри. Изначально Коммунистическая партия Китая была чрезвычайно малочисленна. Она была создана только в 1921 году. На первом этапе своего развития она представляла своеобразные «кружки по интересам», состоявшие из городских интеллектуалов, щеголявших новой для Китая социалистической риторикой. Для многомиллионного Китая на тот момент времени эта смехотворная партия не значила ничего. В 1921 году в ней состояло 50 человек, в 1922 – 120, в 1923 – 230, в начале 1925 года 950 человек. Фактически коммунисты никогда не заключали с Гоминьданом альянса или блока, а вошли в него, как народное движение, сохранив собственные структуры. В России так сделала еврейская партия «Бунд», войдя в состав РСДРП, а потом вдруг на всех ведущих позициях оказались евреи. Коммунисты вели работу внутри Гоминьдана, как обычно партия работает внутри профсоюзов. При этом их работа в Гоминьдане принесла им очень существенные плоды, так как позволяла активно пропагандировать свою идеологию, нести ее в массы. Уже к концу 1925 года в партии насчитывалось около 60 тысяч человек, это был настоящий качественный скачок. В противовес коммунистам Гоминьдан к 1920-м годам представлял собой куда более внушительную организацию, в которой состояло несколько сотен тысяч человек. Но в тот период это была скорее не партия, а клуб «поклонников» тогдашнего руководителя организации Сунь Ятсена. В Гоминьдан входили и чиновники, и военные, и интеллигенция, и крестьяне. При этом все они по-своему трактовали три базовых принципа Сунь Ятсена: «национализм, народовластие, справедливость». Напряженность между Гоминьданом и компартией Китая начала возрастать после смерти в 1925 году Сунь Ятсена, когда бразды правления перешли ко мне.

– Получается, вы сами вырастили себе конкурента?

– Обстановка была сложная. Помимо двух основных воющих сторон, в гражданской войне принимали участие многочисленные крупные и не очень соединения, которыми командовали так называемые полевые командиры неопределенной политической окраски и ориентации – аналоги махновцев, петлюровцев или «зеленых» из российской истории, которую ты изучал. Армии так называемых удельных «вождей» очень часто переходили из одного лагеря

в другой, заключая временные союзы, как с нами, так и с коммунистами. В своих действиях они руководствовались личной выгодой, часто уклоняясь от принятых на себя обязательств перед сторонами и, проявляя себя, в основном в мародерстве и грабежах. Ну, и, конечно, Советская Россия вела двурушническую политику: нам они помогали потому, что мы были единственной силой, способной противостоять японской агрессии, а коммунистов поддерживали, так как это были их идейные братья. Собственно, я послал тебя учиться в СССР, чтобы ты максимально изучил эту систему изнутри, обзавёлся связями… А ты даже обзавёлся семьёй, – генералиссимус усмехнулся в усы и продолжал: – Поэтому я и разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом в 1927 году (и тебе пришлось там подзадержаться). Тогда же возникла реальная угроза захвата власти коммунистами, я разорвал связи с КПК, а также отказался от присутствия на территории Китая военных советников из СССР. Были проведены аресты членов КПК, в частности разгромлены коммунистические организации в городах Нанкин, Ханчжоу, Нинбо, Аньцин, Фучжоу. Коммунистические выступления в Шанхае, возникшие в начале месяца, были жестоко подавлены. Апрельские события 1927 года коммунистические пропагандисты впоследствии назвали Шанхайской резнёй. Но в итоге дипотношения с СССР пришлось восстановить, потому что без северной сверхдержавы было трудно противостоять японцам. Японское вторжение в 1931 году, которое привело к оккупации северо-восточных территорий Китая – Маньчжурии – и созданию здесь марионеточного государства Маньчжоу-го формально не стало началом Японо-китайской войны. Не стали эти события и поводом к созданию в стране единого антияпонского фронта. Напротив, я тогда сосредоточил все свои усилия на ведении антикоммунистической борьбы. Народная республиканская армия под моим командованием была, увы, неоднородна: часть войск НРА в ходе гражданской войны откололась от нее, перейдя на сторону коммунистов и создав Красную Армию (позднее Народно-Освободительную Армию Китая – НОАК), да и командный состав был разнородным и подчинялся различным командующим. Общая численность НРА в 1937 году составляла около 1,9 миллиона человек. При этом мне подчинялись лишь 300 тысяч солдат, а всего нанкинское правительство контролировало около одного миллиона человек, остальные войска находились в подчинении различных местных милитаристов. С 1931 по 1934 годы войска Гоминьдана совершили пять военных походов против коммунистов, которые можно было назвать карательными операциями. Пятый поход, который начался весной 1934 года, привел к так называемому Великому походу китайской Красной Армии. Хотя, что в нём великого? Мы нанесли им серьёзнейшие потери и покончили с Китайской Советской Республикой, существовавшей три года на юге. А они сбежали, благодаря предательству гуандунского губернатора Чэнь Цзитана, которого я назначил главнокомандующим армией южного направления, и хитрости Чжоу Эньлая при поддержке Москвы.

– А какая это была хитрость?

– Как оказалось. Красная армия располагала исключительно ценным секретным достоянием. Она могла расшифровывать и читать каждое сообщение Гоминьдана, а мы об этом не знали. Заслуга во многом принадлежит Чжоу Эньлаю. Начиная с 1930 года, когда он отвечал в партии за безопасность и находился в тесных отношениях с Москвой, он договорился об обучении китайских специалистов в области радиотехники и криптографии, шифрования и дешифрования в Советском Союзе, и, благодаря этому, командование Красной Армии расшифровывало все приказы гоминьдановского правительства, передававшиеся по радио войскам, и соответствующим образом учитывало складывающуюся обстановку. Но важно другое – именно в этом походе руководство перешло к Мао Цзэдуну, занявшему пост главного политического комиссара Красной Армии и вошедшему в состав Политбюро ЦК КПК.

– Отец, я получил коммунистическое воспитание в Советском Союзе, а сейчас у меня происходит фундаментальная переоценка ценностей. В свете того, что ты говорил о подрывной деятельности Коминтерна и его поддержке китайских коммунистов, как ты оцениваешь недавно подписанный антикоминтерновский пакт Германии и Японии?

– Вообще говоря, это очень противоречивая история… И ты должен сделать из неё вывод, что прав английский политик Уинстон Черчилль, когда говорит, что у Британии нет постоянных врагов и постоянных друзей, но есть постоянные национальные интересы. Это международный договор, заключённый между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического Интернационала с целью не допустить дальнейшее распространение коммунистической идеологии в мире. Подписавшие документ японцы надеялись, что Антикоминтерновский пакт станет альянсом против Советского Союза, а это, безусловно, понимало и руководство СССР. Был также секретный дополнительный протокол, который определял совместную германо-японскую политику, специально направленную против Советского Союза. Тем не менее, после присоединения Италии к пакту и особенно германо-советского сближения после пакта Молотова-Риббентропа, он приобрел всё более антизападную и, в частности, анти-британскую направленность. После германо-советского пакта о ненападении в августе 1939 года Япония дистанцировалась от Германии. Действие Антикоминтерновского пакта было приостановлено в сентябре 1940 года Трехсторонним пактом, в котором главной угрозой были объявлены Соединенные Штаты, а не Советский Союз. Впоследствии членство в Антикоминтерновском пакте стало в значительной степени церемониальным, но после нападения Германии на СССР в ноябре 1941 года возобновление его действия привело к вступлению в него нескольких новых членов. Сейчас, когда Япония развязала против нас большую войну, к пакту присоединилось образованное японцами на оккупированной ими части Китая правительство Ван Цзинвэя, как ранее и их марионеточное Маньчжоу-го во главе с Пу И.

Впоследствии исследователи напишут тома о том, что Чан Кайши пытался донести до сына в сжатой форме, будут сопоставлять факты и недоумевать, почему всё произошло так, а не иначе. Гражданская война в Китае была одной из самых долгих в истории человечества и, возможно, самой долгой в XX веке – она продолжалась, с небольшими перерывами, с 1927 по 1950 г. Общее количество жертв осталось неизвестным, хотя очевидно, что оно измерялось многими миллионами. В середине 1920-х в военной академии в СССР обучались и гоминьдановцы (большинство), и коммунисты, также входившие в Гоминьдан. В этот период СССР оказывал Гоминьдану материальную и идеологическую поддержку, однако с 1926 г., после смерти основателя Гоминьдана Сунь Ятсена эта помощь существенно сократилась. Во время Гражданской войны, в 1934 г., имел место наиболее длинный марш в истории всех войн – отступая от наседавших гоминьдановцев, коммунисты, по оценке Мао, прошли около 12 500 км. В декабре 1936 Чан Кайши, прибывший с инспекторской поездкой в город Сиань (провинция Шэньси), где располагался штаб правительственных войск, вытесненных японцами с севера и северо-востока Китая, был взят военными под арест. От него потребовали согласия на сотрудничество со всеми патриотическими силами, прежде всего с КПК, в отражении агрессии со стороны Японии. Чан Кайши был вынужден согласиться на это. В 1937 году, после начала широкомасштабной агрессии Японии в Китае, войска КПК формально влились в состав вооруженных сил Национального правительства в качестве 8-й полевой армии и Новой 4-й армии, а ряд деятелей КПК вошёл в организованный при Национальном правительстве Национальный политический совет. Это, казалось бы, положило конец гражданской войне в Китае, но стычки между частями КПК и Гоминьдана продолжались до конца войны с Японией, временами принимая крупные масштабы. Сталкиваясь с постоянными предательствами

оборотней разного масштаба, Чан Кайши именно тогда принял решение о возвращении сына из СССР и решил выковать из него преемника…

…Якова Тужуркина, уже более четверти века крутившегося в маньчжурском эпицентре работы разведок и выросшего из рядового агента Коминтерна в генерала госбезопасности, после занятия Харбина вновь вызвали в Москву. Центр интересовало, как долго продлится ещё гражданская война в Китае и у кого было больше шансов выйти из неё победителем – у Чан Кайши или у Мао Цзэдуна. Первого заваливал деньгами Запад, и прежде всего США, второй, хоть и был с виду «красным», искал, кому продать себя подороже. В итоге всё же начал дрейфовать к левым силам.

Поставки оружия и военной техники из СССР приобрели очень большое значение после начала Японо-китайской войны, которая хоть как-то сблизила позиции гоминьдановцев и коммунистов. С 1937 года по 1941 год Советский Союз осуществлял регулярные поставки различных вооружений и боеприпасов в Китай. Поставки осуществлялись морем и через провинцию Синьцзян. При этом поставки по суше были приоритетны, так как большая часть китайского побережья находилась в морской блокаде. В это время Советский Союз заключил с Китаем и правительством Чан Кайши несколько кредитных соглашений и контрактов на поставку оружия советского производства. 16 июня 1939 года был подписан Советско-китайский торговый договор, который оговаривал торговую деятельность двух государств. С 1937 по 1940 год в Китае работало более 300 советских военных советников, всего же в эти годы в стране трудилось около 5 тысяч советских граждан. Среди военных советников были и по-разному прославившиеся в дальнейшем советские генералы Василий Чуйков, который затем даже написал книгу «Миссия в Китае», и Андрей Власов. Но, если один вошел в историю, как герой Сталинградской битвы, то второй запятнал свое имя, став изменником Родины. Также в Китае побывало большое количество советских летчиков-добровольцев (до 700 человек), рабочие по сборке танков, самолетов, авиатехники, специалисты-мостовики и дорожники, медицинские работники, транспортники и другие. Всего с 1937 по 1941 год из Советского Союза в Китай было поставлено 1285 самолетов (в том числе: 777 истребителей – И-15, И-16, 408 бомбардировщиков – СБ, ТБ-3, ДБ-3, а также 100 учебных самолетов). Артиллерийских орудий разного калибра было поставлено 1600, средних танков – 82, пулеметов ручных и станковых – 14 тысяч, автомашин и тракторов – 1850. Данные поставки помогли с октября 1937 года по июнь 1941 полностью оснастить стрелковым оружием около 50 пехотных дивизий, а артиллерией около 40 дивизий. Помимо этого 1 сентября 1940 года в Урумчи был осуществлен пуск первой очереди нового авиасборочного завода, который построили в городе советские специалисты. Однако в 1940 году в связи с очередным витком обострения отношений между Гоминьданом и КПК, опасаясь, что поставляемое советское оружие будет применяться не против японской армии, а против соперников в гражданской войне, военную помощь Китаю начали свёртывать. В том же году советские летчики-добровольцы перестали принимать участие в боевых вылетах, сосредоточившись только на подготовке китайских летчиков. А в 1941 году после нападения Гитлера на СССР, военный поток поставок практически иссяк. Вооружения и боевая техника, а также военные специалисты с боевым опытом стали необходимы для защиты западных рубежей СССР.

Цзян Цзинго, отпущенный из Советского Союза в 1937 году с целью повлиять на отца, окончательно склонив того на сторону Советского Союза, не только не оправдал возлагавшихся на него Москвой надежд, но всё более сам терял коммунистическую убеждённость в реалиях китайской междоусобицы. Для СССР было стратегически архиважно, войдёт ли послевоенный Китай в создаваемый социалистический лагерь или будет всецело на стороне Запада в новом глобальном противостоянии. Тужуркин вернулся в Китай наблюдать, куда склонится чаша весов, а при случае и бросить свою золотую гирьку. Внутренне он был уверен, что в итоге Чан Кайши всё же возьмёт верх.

Сразу после капитуляции Японии ни Гоминьдан, ни КПК не были способны установить контроль над всей территорией Китая. Хотя Гоминьдан имел в распоряжении более крупные, чем у компартии, военные силы, но они были сосредоточены на западе страны, а лучшие дивизии, вооружённые американским оружием и прошедшие подготовку у американских инструкторов, находились вообще в Индии и Бирме. В этих условиях Чан Кайши взял под командование войска бывшего марионеточного правительства Ван Цзинвэя численностью 750 тысяч человек и поручил им охрану городов и коммуникаций, оставляемых японцами; также они получили приказ Чан Кайши не капитулировать перед коммунистами. В результате войска коммунистов не смогли взять под контроль железные дороги, центры коммуникаций и крупные города; им пришлось занимать мелкие и средние города, отдельные участки железных дорог и прилегающую к ним сельскую местность. Основные силы коммунистов в момент капитуляции Японии были рассредоточены по девятнадцати «освобождённым районам». Получив 13 августа 1945 года приказ Чжу Дэ о наступлении, они смогли занять такие важные пункты на севере Китая, как Циньхуандао, Шаньхайгуань и Чжанцзякоу, войдя в контакт с освобождёнными Советской армией районами Внутренней Монголии и Маньчжурии. Это позволило компартии начать переброску частей в эти районы задолго до прибытия сюда гоминьдановских войск. Войска прибывали в Маньчжурию по суше (вдоль железной дороги Бэйпин – Шэньян) и морем (с Шаньдунского полуострова); на первых порах коммунисты перебросили на северо-восток около 100 тысяч человек. К ноябрю 1945 года вся территория Маньчжурии севернее реки Сунгари перешла под контроль войск КПК под командованием Линь Бяо и Чжоу Баочжуна (в январе 1946 года действовавшие на территории Маньчжурии войска, контролируемые коммунистами, были сведены в Объединённую демократическую армию Северо-Востока). Американское командование на Тихом океане выделило воздушные и морские транспортные средства для переброски гоминьдановских частей из западных провинций и Бирмы в Северный и Восточный Китай. В Нанкин и Шанхай были по воздуху переброшены подразделения двух армий, в Бэйпин – целая армия; в Северный Китай и Маньчжурию войска были отправлены морем. Под предлогом приёма капитуляции японских войск в Тангу, Циньхуандао и Циндао с конца сентября было высажено три дивизии американской морской пехоты. Американцы попытались высадиться в Яньтае, но этого не допустили находящиеся там коммунистические войска. В начале ноября американцы попытались высадить шесть гоминьдановских дивизий в Хулудао и Инкоу, но находящиеся там коммунистические войска опять дали решительный отпор; тогда американцы попытались высадить гоминьдановцев в Даляне и Люйшунькоу, но этого не позволило сделать уже советское командование, в итоге гоминьдановцам пришлось высадиться в Тяньцзине и Циньхуандао и оттуда по суше пробиваться в Маньчжурию. Учитывая низкую боеспособность гоминьдановской армии, и стремясь выиграть время для её реорганизации и передислокации, американское командование решило возобновить прерванное в апреле 1945 года посредничество в переговорах между компартией и гоминьданом. Осенью 1945 года состоялись переговоры в Чунцине, в результате которых 10 октября было подписано соглашение о предотвращении гражданской войны.

Однако уже спустя три дня Чан Кайши отдал приказ о развёртывании наступательных действий. Гоминьдановское командование разработало план из трёх этапов: сначала предполагалось взять под контроль железные дороги, ведущие с юга к Пекину, затем устроить зачистку района Пекин – Тяньцзинь и потом взять под контроль Маньчжурию. Около миллиона гоминьдановских солдат двинулись с юга на север и овладели территорией вплоть до Лунхайской железной дороги (Сиань – Хайчжоу), а также подступами к Маньчжурии. Ввиду неспособности гоминьдановских войск разгромить коммунистов, американцы решили вернуться к тактике политических манёвров и отправили в Китай личного представителя президента США генерала Дж. Маршалла. При его посредничестве в январе было заключено перемирие между коммунистами и гоминьданом.

Материальная поддержка и помощь двум сторонам гражданской войны в Китае становилась всё более политически окрашенной. США начали наращивать материальную поддержку гоминьдановцам, а Советский Союз сконцентрировался на оказании помощи коммунистической партии Китая. Не собираясь сразу же после завершения большой войны форсировать продолжение гражданской войны в Китае, Москва в конце 1945 года ограничила свою военную помощь коммунистам исключительно передачей им военных трофеев разгромленной японской Квантунской армии. Передача японских трофеев производилась под обязательства поставок продовольствия из Маньчжурии на советский Дальний Восток. Советское вооружение в тот период времени и до самого конца 1946 года вооруженным силам КПК не поставлялось. В то же время США сразу же начали оказывать гоминьдановцам существенную материальную поддержку. Американцы вооружили и обучили более 500 тысяч солдат и офицеров Чан Кайши, а также занимались переброской войск гоминьдановцев в освобожденные от коммунистов области Китая. Общая оценка оказанной американцами помощи в 1946—49 годах составила 4,43 миллиарда долларов – огромная на тот момент времени и по тому курсу сумма. Материальная помощь со стороны Советского Союза коммунистам была существенно более умеренной. Однако передача трофеев Квантунской армии коммунистам была тем не менее очень весомым жестом, намекавшим Чан Кайши, что лучше всё-таки дружить с СССР. В сентябре-ноябре 1945 года советское военное командование передало китайской Красной Армии почти все японские военные трофеи, в том числе: 327 877 винтовок и карабинов, 5207 различных пулеметов, 5219 орудий и минометов, 743 танка и бронемашины, 612 самолетов, 1224 автомобиля и трактора. Помимо этого коммунисты получили огромное количество боеприпасов, саперного инвентаря, километры телефонного кабеля и радиооборудование. Вооруженным силам КПК были переданы и японские суда из состава Сунгарийской речной флотилии. К концу 1945 года этим японским оружием в Маньчжурии была вооружена сформированная здесь 100-тысячная «Объединенная Демократическая Армия», которой командовал Линь Бяо. К весне 1946 года она будет насчитывать уже более 300 тысяч солдат и офицеров, а впоследствии на ее базе будет развернута практически миллионная группировка войск. Для комплектования этой армии даже использовались бывшие военнослужащие марионеточного японского государства Маньчжоу-го. Благодаря этому в Маньчжурии была создана военная группировка, которая стала сильнейшей армией китайских коммунистов.

Тужуркин пристально следил за тем, как менялись силы сторон. В 1945—46 годах у Гоминьдана было 4,3 млн. человек, а у КПК – 1,2 млн.; спустя два года гоминьдановцев стало 3,650 млн. человек, а силы коммунистов уже удвоились. А к 1949 году положение изменилось радикально: у Гоминьдана осталось лишь 1, 490 млн. человек, а в НОАК было уже 4 миллиона! Это объяснялось не военными потерями, а массовым дезертирством в армии Гоминьдана и переходом многих солдат к коммунистам. И напрасно Яков писал генралиссимусу письма, призывая изучить опыт гражданской войны в Советской России. Как и в СССР, одним из решающих факторов победы коммунистов стало их обещание передать землю местным крестьянам. То есть лозунг «землю – крестьянам, фабрики – рабочим» сыграл свою роль второй раз в истории XX века. Благодаря объявленной земельной реформе, коммунисты обратили к себе крестьянство. При этом в коммунистическую армию начали приходить идеологически мотивированные новобранцы, что имело огромное значение. В армию Мао Цзэдуна было мобилизовано до 5 миллионов 430 тысяч крестьян на последнем этапе гражданской войны. Кроме того, с самого начала второго этапа войны под контролем КПК оказались крупные промышленные города. С такой инфраструктурой удалось оперативно создать принципиально новую армию, на порядок лучше оснащенную и подготовленную, чем за пару лет до того. Весной 1948 года началось решающее наступление коммунистов в Маньчжурии. Операцией руководил Линь Бяо – талантливый полководец и будущий маршал КНР. Кульминацией наступления стало Ляошэньское сражение, в котором была побеждена огромная армия Гоминьдана (вели-

чиной около полумиллиона человек). Успехи позволили коммунистам реорганизовать свои силы. Было создано пять крупных армий, каждая из которых действовала в определенном регионе страны. Эти формирования стали вести бои координированно и синхронно. В КПК решили перенять советский опыт Великой Отечественной войны, когда в Красной Армии создавались крупные фронты. Тогда же гражданская война в Китае 1946—1949 гг. перешла в свою финальную стадию. После того как была освобождена Маньчжурия, Линь Бяо объединился с группировкой, расположенной в Северном Китае. К концу 1948 года коммунисты установили контроль над экономически важным угольным бассейном Таншань.

Ощутив мощь советской поддержки, Мао окончательно сделал свой выбор в пользу Сталина. С этого момента ситуация начала стремительно меняться в его пользу. В январе 1949 года армия под командованием Линь Бяо штурмом взяла Тяньцзинь. Успехи КПК склонили гоминьдановского командующего северным фронтом без боя сдать Бэйпин (тогдашнее название Пекина). Ухудшение положения заставило Чан Кайши предложить противнику перемирие. Оно сохранялось до апреля. Со времени Синьхайской революцияи и войны с японцами в Китае пролили слишком много крови. У Гоминьдана чувствовался недостаток человеческих ресурсов. Многократные волны мобилизаций привели к тому, что новобранцев брать стало просто неоткуда. В апреле коммунисты отправили противнику свой вариант долгосрочного мирного договора, а фактически ультиматум. Не дождавшись ответа на предложение, КПК начала очередное наступление, войска НОАК форсировали реку Янцзы. 11 мая Линь Бяо взял Ухань, а 25 мая – Шанхай. Чан Кайши покинул материк и перебрался на Тайвань. Правительство Гоминьдана из Нанкина отправилось в Чунцин. Война теперь велась только на юге страны. 1 октября 1949 года коммунисты провозгласили учреждение новой Китайской Народной Республики (КНР). Торжественная церемония состоялась в Пекине, который вновь стал столицей страны. Тем не менее, война продолжалась. 8 числа был взят Гуанчжоу. Гражданская война в Китае, причины которой заключались в равной силе коммунистов и Гоминьдана, теперь подходила к своему логическому завершению. Правительство, ориентировавшееся на Запад и недавно перебравшееся в Чунцин, с помощью американских самолетов окончательно эвакуировалось на остров Тайвань. К весне 1950 года коммунисты полностью подчинили себе юг страны. Солдаты Гоминьдана, которые не желали сдаваться в плен, бежали в соседний французский Индокитай. Осенью армия КНР взяла под контроль Тибет. Наследников Сунь Ятсена победили оборотни мирового коммунизма. Но в Москве ещё не знали, что это была Пиррова победа, и через каких-нибудь сорок лет рухнет сам Советский Союз.

Тужуркин понял, что он поставил не на тех, и его миссия в Китае завершена…

2

После Хабаровского трибунала японские «врачи-отравители» из «Отряда 731» и «Отряда 100» были этапированы не куда-нибудь, а в старинную дворянскую усадьбу Воротынских в городе Чернцы Лежневского района Ивановской области. И хотя они были «мелкой рыбёшкой» (основные фигуранты, включая директора «фабрики смерти» Сиро Исии, благополучно добрались до Японии и избежали ответственности за свои чудовищные преступления), тем не менее, санитар-лаборант Юдзи Курусима и санитар-практикант, ефрейтор Норимицу Кикути из 731-го наряду со старшим унтер-офицером Мимото и поручиком Хирадзакура из «сотки» попали в элитный генеральский спецлагерь №48, где в 20-е годы в помещичьем доме помещался санаторий железнодорожников «Войково» по имени террориста и соратника Ленина Петра Войкова. Это уникальное учреждение находилось всего в тридцати километрах от города Иваново и в трехстах – от Москвы. Да, из 731-го были ещё майоры Оноуэ и Карасава, а также подполковник Ниси, но и они были лишь старшими офицерами, но не генералами. Уровень «сидельцев» лагеря №48 был задан уже в 1943 году, когда туда перевели фельдмаршала Паулюса из тюрьмы в Спасо-Ефимьевском монастыре в Суздале (которую автор вместе с другими студентами-реставраторами демонтировал в 1972 году). А перевели сюда потомка Бисмарка, поскольку компетентным органам стало известно о секретном приказе Гитлера… выбросить десант, выкрасть фельдмаршала Паулюса и судить его в Германии по суровым законам военного времени. Суздаль был открытым местом, а вот Чернцы окружены глухими лесами, поэтому важного немца передислоцировали сюда.

Нашлось здесь место и для осужденных в Хабаровске японских военных преступников. Японцев привезли в Чернцы в сопровождении большой охраны в марте 1950 года. Это были представители высшего генералитета и старшие офицеры Квантунской армии, офицеры разведки, бывшие полицейские чины, члены так называемой бактериологической группы. Все военнопленные были осуждены в период с 1947 по 1950 год на 25 лет по статье 58 и на момент своего прибытия в лагерь уже перешли в категорию военных преступников. Значительной фигурой среди японцев являлся командующий Квантунской армией Отодзо Ямада. Весной 1956 года в лагерь прибыл ещё один примечательный узник. Это был старший сын бывшего премьер-министра Японии, член императорской семьи принц Фумитака Коноэ. Пробыл он в лагере недолго. В конце октября 1956 года Коноэ поступил в санчасть с жалобами на сильные головные боли, отсутствие аппетита и расстройство сна. И вскоре, как записано в медицинском заключении, принц скончался от обширного кровоизлияния в мозг. Произошло это буквально за два месяца до полной общей репатриации военнопленных из лагеря. Коноэ захоронили на местном кладбище. А в 1957 году вдова Фумитака Коноэ доставила тело мужа в цинковом гробу в Москву, там кремировала, а урну с прахом увезла в Японию. Японцы проживали в лагере в комнатах по 2—3 человека. При желании они могли гулять в парке, примыкающем к их корпусу. У японцев была своя санчасть с врачами-японцами. Также их лечением занимался и персонал советской санчасти. Японцы, как и военнопленные из числа немцев, участвовали в хозяйственных работах, занимались садоводством и огородничеством. Им была предоставлена возможность отправления религиозных обрядов и самостоятельной организации досуга. Они соблюдали свои государственные и национальные традиции. В первое время пребывания в лагере японцы несколько отличались своим поведением от немцев, с трудом контактировали с персоналом. Позже трудолюбивые и организованные японцы неплохо освоили русский язык и заслужили доброжелательное отношение персонала лагеря и администрации. Здесь даже не представляли, что проделывали с живыми людьми в Маньчжурии эти внешне невозмутимые и церемонные господа. А вот отношения с немцами у японцев оставались прохладными. Генералы вермахта проявляли к своим бывшим союзникам высокомерие, не счи-

тали их равными себе. Японцы с немцами не контактировали, хотя корпуса находились рядом. Немцы в общении были более раскованными, японцев отличала сдержанность. В кухне у них были свои предпочтения. Им предлагали на выбор хлеб или рис – они выбирали рис. Им нравилась треска, панированная в сухарях, и не нравился салат из ромашки. Ромашка не смогла заменить привычные для японцев хризантемы. По воспоминаниям очевидцев, условия содержания японцев были замечательными. СССР в то время придерживался конвенции по содержанию военнопленных. Вокруг корпусов была огорожена достаточно большая территория – парк бывшей барской усадьбы, где пленные гуляли…

Из материалов НКВД: «Среди пленных был юноша по имени Юдзи. Ему было всего 16 лет. В его обязанности входило считать, сколько зараженных мошек может упасть на человека с самолета». Юдзи Курусима был санитаром-лаборантом филиала отряда №731 и, имея специальную подготовку, принимал участие в культивировании бактерий холеры, сыпного тифа и других инфекционных болезней, а также в испытаниях бактериологических снарядов.

Курусима был самым молодым узником, как и одним из самых юных душегубов «Отряда 731». Его отобрал лично Сиро Исии, который курировал парня и считал, что тот далеко пойдёт. Именно этого санитара-лаборанта он откомандировал для связи с полковником Хисаси Уэмурой, у которого было задание Генерального штаба координировать работу трёх отрядов бактериологов и химиков в Маньчжурии. Юдзи был старательным, нравился Уэмуре, и в свою очередь считал их с Исии духовными отцами и учителями. Старик Уэмура даже рассказывал ему много историй о начале своей карьеры в русско-японскую войну, о работе в качестве разведчика в императорской России, а затем в Берлине вплоть до Первой мировой войны. Видимо, десятилетия молчания тяготили полковника и в лице юного Курусимы он обрёл благодарного слушателя, который как бы исповедовал его накануне ухода. Поэтому, когда советские войска подошли к Харбину, именно Курусима был последним, кто видел Уэмуру в торжественный момент совершения обряда самоубийства сэппуку. Полковник завещал юноше свой большой фамильный меч и наказал спастись и выжить, чтобы продолжить начатое дело во имя великого будущего Японии. Юдзи сжёг все свои бумаги, которые он методично вёл в «Отряде 731», однако решил вести дневник. Ему разрешили продолжать его и в спецлагере №48 при условии, что все записи не покинут пределы заведения. Сейчас Курусима перечитывал заметки 1945 года, сделанные в поезде, увозившем их из Харбина в сторону Кореи:

«…Вечером 16 августа, когда эшелоны задержались на станции Чанчунь, адъютанты обежали вагоны, известив, что „сейчас будет говорить его превосходительство начальник отряда Сиро Исии“. Генерал в сопровождении адъютанта со свечой в руках медленно шел вдоль вагонов и громким голосом обращался к собравшимся на платформе: „…Япония побеждена. Мы возвращаем вас на родину. Но при всех условиях вы должны хранить тайну „Отряда 731“. Если кто-то не сохранит её, то я – Исии – найду такого человека, где угодно, и разделаюсь с ним! Поняли?“ Свеча отбрасывала тень на лицо Исии, придавая ему зловещее выражение. Матери крепче прижимали к себе маленьких детей, ощущая леденящий душу страх, как если бы они увидели самого сатану…»

Тяжелой оказалась дальнейшая судьба подростков-стажеров. Вернувшись на родину в возрасте 14—18 лет, они не имели никакого официального документа об образовании, кроме свидетельства об окончании начальной школы. В обычной жизни найти применение полученным в Отряде навыкам было нелегко. Подростки-стажеры – в полном смысле слова незаконнорожденные дети японской армии – в трудный период после поражения Японии хлебнули много горя. И это было их кармой. Они предпринимали попытки добиться официального признания того, что ими был пройден курс обучения в качестве стажеров. Но руководители «Отряда 731» во главе с Сиро Исии, хотя и знали о послевоенных мытарствах бывших подростков-стажеров, делали вид, что это их не касается, потому что прежде всего боялись ответственности за совершенные преступления. Никто из руководства не пожелал сообщить в министерство просвеще-

ния о том, какой серьезный курс обучения прошли подростки в отряде. Так и остались они «побочными детьми», не признанными даже самим «Отрядом 731». Надо сказать, что у Сиро Исии с самого начала и в мыслях не было дать подросткам-стажерам какой-либо официальный документ о прохождении ими курса. Он обещал это только для того, чтобы заманить их в отряд. Юдзи отбился от состава на одной из станций и был взят в плен китайцами, которые вскоре передали его советской стороне. Хорошо, что они не заподозрили юношу в работе на «Отряд 731», а то растерзали бы живьём. Смершевцы, однако, быстро разговорили Курусиму, убедив его сотрудничать со следствием и подробно рассказать о деятельности создателей бактериологического оружия. Поскольку он обладал цепкой памятью и хорошо рисовал, чекисты поставили перед ним задачу максимально подробно проиллюстрировать всё, что происходило в Отряде. При этом Юдзи вспомнил, что так же действовал в войну и Токио: поскольку цветной фотоплёнки не было, в Отряд прислали художника, которого заставляли присутствовать на всех опытах над людьми и переносить это в цвете на бумагу.

Несмотря на хорошие условия в спецлагере, пленники переносили заключение по-разному. Например, майора медицинской службы Томио Карасаву преследовали кошмары злодеяний в Пинфане. Накануне освобождения и отъезда из г. Иваново он повесился в лагерной бане на палках, где сушили бельё. Супруга Томио, Тоёко Карасава, предположила следующее: «Мой муж чувствовал ответственность за содеянное, вот и накинул себе верёвку на шею». Курусиму сомнения не одолевали – он твёрдо знал от Исии и Уэмуры: база «Отряда 731» была сформирована по личному указу императора. Это была единственная в японской армии часть, созданная по высочайшему указу. Поэтому она располагала неограниченными финансовыми средствами, а значит, всё делали во имя великой цели, благословлённые самим монархом. Когда только началась большая война на Тихом океане, Юдзи мечтал стать камикадзе и обрушить свой самолёт на какой-нибудь американский линкор или авианосец. Но масштаб биологического оружия увлёк его. И он помнил завещание Уэмуры: выжить и отдать все силы и знания возрождению и процветанию Империи. Подростки, поступившие в «Отряд 731», были сродни друг другу по двум признакам. Во-первых, все они были из малообеспеченных семей; во-вторых, во время обучения в народной школе (теперь начальная школа) все проявили хорошие способности и имели высокую успеваемость. Учились они с удовольствием, их прямо-таки обуревала жажда знаний. Командование Квантунской армии и учебный отдел «Отряда 731» разослали по всей Японии своих агентов, которые должны были искать подростков, желавших учиться, но из-за материального положения их семей вынужденных бросить учебу. Предложение пойти в армию стажерами технического состава обеспечивало подросткам определенное материальное положение и одновременно давало им возможность учиться в старших классах. Стажеры сохраняли звание вольнонаёмных; они получали жалованье, хотя и небольшое, обеспечивались жильем, одеждой, питанием. В отряде имелась и школа. В то время детей в Японии с начальных классов воспитывали в духе «служения государству», и поэтому вполне естественно, что, получив предложение продолжить учебу в «Отряде 731», школьники в большинстве случаев соглашались. Прошедших вступительное испытание 14-15-летних подростков отправляли из Японии в Маньчжурию, в Харбин, а оттуда – в Пинфань. Там их зачисляли в учебный отдел «Отряда 731». Все они, по сути дела, были еще детьми, только что окончившими 8-й класс школы. Разумеется, они и понятия не имели о том, чем занимается отряд. Ко времени приезда первых 107 подростков, то есть к апрелю 1942 года, строительство отрядных сооружений в основном уже закончилось, но, поскольку в отряде сомневались, согласятся ли ребята поехать в далекую Северную Маньчжурию, к их приему готово было не всё. Распаковывать свои пожитки им пришлось в бывшем складском помещении, которое в связи с их приездом срочно переоборудовали под молодежное общежитие. Свою деятельность Отряд начал с того, что собрал со всей Японии значительное число военных врачей, ученых-медиков и научных работников. Но, несмотря на это, со времени своего основания Отряд испыты-

вал хроническую нехватку специалистов. Особенно остро ощущалась нехватка технических работников, которые могли бы профессионально заниматься вопросами, связанными с подготовкой и ведением бактериологической войны. Решение теоретических проблем производства бактерий и руководство экспериментами было делом ученых. Но им необходимы были помощники – технические специалисты, которые должны были обрабатывать данные экспериментов, изготавливать препараты и т. д. В довоенной же Японии учебных заведений, которые могли бы осуществить подготовку большого числа технических специалистов по санитарно-клиническим исследованиям, было недостаточно. Из больниц и санитарных учреждений Японии немедленно были собраны специалисты, знакомые с техникой проведения анализов и экспериментов, и в качестве вольнонаемных посланы в «Отряд 731». Однако не приученные к опасной работе с бактериями, они часто делали ошибки; многие из них погибли. Немало специалистов покинуло Отряд. Обеспокоенный таким положением дел, начальник Отряда Исии пришел к мысли о необходимости организовать в самом Отряде подготовку квалифицированных техников, которым была бы привита железная дисциплина и сознание ответственности за сохранение в тайне секретов бактериологической войны. С этого-то и началось претворение в жизнь идеи воспитания и обучения подростков-стажеров технического состава, иными словами, подготовки среднего командного звена «Отряда 731». Следует отметить, что первая группа подростков-стажеров была сформирована в отряде ещё в 1938 году. Однако в 1941 году для осуществления плана «Кантокуэн», а затем в связи с началом 7 декабря того же года войны на Тихом океане многих стажеров послали на Южный фронт, где они воевали на передовой. С расширением военных действий на фронте подготовка технических специалистов в отряде и вовсе была приостановлена.

В один из дней Курусиму вызвали в кабинет начальника лагеря. Там сидел незнакомый офицер в форме полковника и находился ещё один гражданский.

– Юдзи, это полковник Мандрыкин и профессор Чурилин, – без лишних церемоний начал начальник. – Вы с ефрейтором Кикути поступаете в их распоряжение. Числиться будете здесь, а работать в другом месте под их надзором. Ну, не хризантемы же вам выращивать со старыми генералами, тем более с таким опытом в «Отряде 731». По нашим данным, знамя бактериологической войны подхватили Соединённые Штаты Америки, не без помощи вашего бывшего начальства. Сейчас они готовятся применить некоторые ваши разработки в Корее. Однако обстановка непредсказуемая – возможны бактериологические атаки против Советского Союза и братской Китайской Народной Республики, а также Монголии. Ознакомьтесь с популярной книгой Розбери «Мир или чума», в которой открытым текстом пишется, что применение биологического оружия в вооружённых конфликтах будущего вполне закономерно и принесёт США большие выгоды, так как атакует только человека и базу его питания, не уничтожая материальных ценностей. В общем, откомандировываетесь в Свердловск-19. Работать будете узконаправленно – над сибирской язвой, чем собственно и занимались в Маньчжурии. Вам понятно?

– Так точно

Объект Свердловск-19, он же Центр военно-технических проблем бактериологической защиты НИИ микробиологии, основной задачей которого как раз и были исследования в области бактериологического оружия, появился на окраине Свердловска в 1949 году. По одной из самых распространенных версий, организовать исследовательские лаборатории решено было после того, как стало понятно, что работы над «боевыми бактериями» нужно расширять, а занимавшийся этим прежде военный НИИ микробиологии в Кирове (Вятке) и так работает на пределе своих возможностей. Свердловск был выбран не случайно: в то время он считался одним из самых труднодоступных для вражеской авиации городов Советского Союза, а достаточно большое число военных предприятий и воинских частей вокруг обеспечивали неплохое контрразведывательное прикрытие для нового исследовательского центра. Проблема оказалась в другом. Через несколько лет стало понятно, что город начал стремительно расширяться, и пришлось спешно окружать Свердловск-19 вновь создаваемыми промышленными предприятиями, чтобы не допустить строительства поблизости от него жилых домов. Но все равно довольно быстро уникальные исследовательские лаборатории оказались в центре пусть не самого города, но одного из его районов – Чкаловского. Руководители советского Министерства обороны, равно как и руководство центра, прекрасно понимали, что, несмотря на все режимные мероприятия и прочие меры безопасности, риск, что какой-нибудь вирус сумеет попасть наружу из секретных лабораторий, всегда существует. А значит, чем меньше людей, прежде всего женщин и детей, будет постоянно находиться рядом со Свердловском-19, тем ниже будет риск массового заражения в случае ЧП. Интересы были не только гуманитарными: вспышка какого-нибудь редкого заболевания привлекла бы ненужное внимание к городу и к самому центру, а этого следовало изо всех сил избегать. «Свердловск-19» входил в НПО «Биопрепарат», занимавшееся разработкой и производством биологического оружия, запрещенного международной конвенцией, к которой СССР присоединился только в 1972 году.

Военно-биологический центр **Свердловск-19** занимался по меньшей мере тремя видами работ: 1) выращиванием новых боевых штаммов опасных бактерий; 2) созданием биологических боеприпасов новых типов, в том числе по заказу и при участии других военно-биологических центров (в Кирове и Загорске); 3) масштабным промышленным производством биологического оружия. По сути, он был ответом на крупнейший американский центр биологического оружия в Форт-Детрике, куда и утекла подавляющая часть разработок Сиро Исии. Военный городок Свердловск-19 по отношению к большому Свердловску был абсолютно автономен. Он имел все необходимые службы – военный госпиталь на 75 коек, почту, магазины, клуб, загс, собственную секретную военно-юридическую систему (прокуратуру, следствие, суд). Подбор солдат, которые обслуживали повседневные нужды городка, был особо тщательный – в рядовые солдаты-охранники и в военные строители попадали лишь призывники с «допуском». В целях секретности население Свердловска-19 числилось не за Свердловской, а за Пермской областью, его смертность и заболеваемость – тоже. Сам же военно-биологический центр напрямую подчинялся 15-му управлению Генштаба ВС СССР. Для обеспечения прямой связи над Свердловском на геостационарной орбите был размещен специальный военный спутник, в результате чего информация военно-биологического центра была неподконтрольна оперативным службам ни Уральского военного округа, ни даже КГБ СССР.

Свердловск-19 подразделялся на три зоны, как бы вставленные друг в друга. по мере повышения секретности. В первой зоне находилось жилье для персонала, там же располагался строительный батальон. «Делом», то есть созданием наступательного биологического оружия, занимались в самой недоступной – третьей – специальной («рабочей») зоне, куда попасть

можно было исключительно после проверки на третьей проходной. Спецзона примыкала непосредственно к военному городку №32.

Производственные помещения спецзоны были расположены не на поверхности, а глубоко под землей. Причем настолько глубоко, что ни при аэрофотосъемках (разведывательный самолет У-2 американского летчика Пауэрса сбили как раз в этих краях), ни со спутников научные лаборатории и промышленные военно-биологические реакторы не были видны никогда, а их активность не могла быть зафиксирована. Спецзона занимала часть обширного искусственного военного подземелья, созданного годами титанической работы строителей под надзором спецслужб. Подземелье обладает несколькими выходами в разных местах Свердловской области и имеет многоцелевое (не только военно-биологическое) назначение. Именно здесь, глубоко под землей, военные биологи в послевоенные годы занимались созданием боевых микроорганизмов против «вероятного противника». Сюда и привезли молодых военнопленных из «Отряда 731». В лабораториях искали новые штаммы боевых бактерий (с 1973 года – с использованием генной инженерии и иных достижений молекулярной биологии). В цехах в опытных и промышленных реакторах (ферментерах) нарабатывались запасы боевых бактерий. А еще имелись цеха, где разрабатывались, снаряжались и складировались биологические боеприпасы самых различных типов, включая кассетные. Для своих рабочих нужд военные биологи Свердловска-19 создали прекрасный виварий, в котором содержалось много видов подопытных животных, включая редких для СССР (например, обезьян). Отлов сбежавших «кроликов» не был простым делом, так что приходилось задействовать солдат из соседнего военного городка №32. Из Свердловска-19 биологические боеприпасы отправлялись на полигоны для проведения испытаний, а также в наземные и подземные склады. В отдельных случаях биомасса использовалась не на месте, а отправлялась на Златоустовский завод для снаряжения в биологические боеприпасы.

К югу от Свердловска-19 находится военный городок №32 (механизированные войска) с несколько меньшим уровнем секретности. Именно через него по подземному тоннелю происходила та часть ввоза-вывоза Свердловска-19, что обеспечивала нужды секретных работ по подготовке к наступательной биологической войне, то есть нужды лабораторий, производств, складов.

…Активное сотрудничество бывших сотрудников «Отряда 731» вышло боком Советскому Союзу тридцать лет спустя, в 1979 году, когда в Свердловске полыхнула вспышка именно сибирской язвы. Фильтры на заводе отвечали за очистку воздуха из рабочей зоны цехов, занятых под производство культуры сибирской язвы в сухой форме. Технологический процесс предполагал высушивание бактериального бульона до порошкообразного состояния, что требовало особых мер безопасности. Для того, чтобы ни одна спора не вышла за пределы предприятия с током воздуха, на заводе работала вытяжная система, поддерживающая пониженное давление внутри. Подполковник Николай Черышев, начальник смены на предприятии, 30 марта 1979 года спешил домой и по какой-то неведомой причине был не в курсе, что засоренный фильтр был снят, а новый не установлен предыдущей бригадой. В итоге работники вечерней смены (производство было организовано в три смены), не обнаружив записи в рабочем журнале, спокойно запустили оборудование. Более трех часов завод выбрасывал в воздух ночного свердловского неба порции высушенной культуры сибирской язвы. Когда отсутствие биозащиты было обнаружено, производство экстренно остановили, поставили фильтр и спокойно продолжили работу. Так как работа завода и сам факт его существования были глубоко засекречены, о выбросе никого не оповестили. А уже 4 апреля появились первые заболевшие с диагнозом «пневмония». В дальнейшем большинство из них умерло. В среднем после 4 апреля каждый день умирало четыре-пять человек, подавляющее большинство из них были мужчины. Объяснялось это просто: вечером в пятницу на близлежащем керамическом

заводе, попавшем в зону поражения, работала ночная смена, состоящая в основном из мужчин. Да и прогуливались в столь позднее время в закрытом городе далеко не дамы с колясками. Позже у вездесущих американских спецслужб создалось впечатление, что специалисты из советского «Биопрепарата» (программа создания биологического оружия в СССР) создали уникальный штамм сибирской язвы. Поражать он способен только мужчин, распространяется аэрозолями, не лечится и не передается другому человеку – чем не идеальное оружие? Однако официальной версией стало заражение через мясо с местного рынка. По этому поводу в газете «Уральский рабочий» писали: «В Свердловске и области участились случаи заболевания скота. В колхоз был завезен низкокачественный корм для коров. Администрация города убедительно просит всех свердловчан воздержаться от приобретения мяса в „случайных местах“, в том числе на рынках». С аналогичными призывами по всему городку и близлежащим населенным пунктам расклеили листовки, а также обратились с экранов местного телевидения. До сих пор эта версия является официальной и приоритетной. Для ликвидации вспышки сибирской язвы из Москвы вылетел генерал-полковник, доктор медицинских наук Ефим Иванович Смирнов, в ту пору начальник 15-го управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР. С собой генерал привез группу высокопоставленных офицеров и врачей. Петр Николаевич Бургасов, министр здравоохранения СССР, эпидемиолог по специальности, также прибыл на место трагедии. В дальнейшем все эти люди до конца жизни будут отрицать причастность предприятий Свердловска-19 к вспышке сибирской язвы в 1979 году.

Информация о том, какой штамм сибирской язвы вызвал столь мощную вспышку, до сих пор разнится. В книге Канатжана Алибекова «Осторожно! Биологическая угроза!» приводятся данные о смертоносной модификации «Антракс 836», которую получили при необычных обстоятельствах. Еще в 1953 году на кировском заводе из империи «Биопрепарата» бульон с бактериальной массой попал в канализацию. Чрезвычайную ситуацию ликвидировали тщательной дезинфекцией, и все обошлось без трагических последствий. Однако заболеваемость язвой среди живущих поблизости грызунов подскочила, и уже в 1956 году выловили крысу с совершенно новым штаммом. Бактерии мутировали в естественной популяции грызунов в более смертоносную разновидность сибирской язвы. Этим поручили заниматься японским стажёрам-военнопленным. Естественно, штамм впоследствии взяли в оборот, в том числе и на свердловском предприятии. Однако есть альтернативная точка зрения на происхождение штаммов сибирской язвы. Сотрудники Лос-Аламосской национальной лаборатории работали с тканями умерших людей и выявили, что возбудителями оказались штаммы VNTR4 и VNTR6. А происхождение этих бактерий – Северная Америка и Южная Африка. Именно на этой базе строится третья версия причин трагедии – биологический терроризм со стороны западных спецслужб. Мотивы у террористов были следующие: компрометация руководства Советского Союза перед приближающейся Олимпиадой, для дополнительного обоснования её предполагавшегося бойкота. На стороне биотеррора также выступают многоочаговые вспышки сибирской язвы на территории, прилегающей к Свердловску-19. По словам специалистов, споры сибирской язвы не могли после выброса сначала осесть на почве, а через некоторое время снова перейти в ингаляционную форму (размер частицы – 5 микрон) и заразить людей. Некоторые очаги вспышек вообще были на расстоянии 50 км от завода в Свердловске-19, а вся эпидемия длилась около 2 месяцев, что гораздо продолжительнее любого инкубационного периода. Это отлично объясняется теорией о многочисленных терактах, растянутых по времени. Предполагается, что в южной части Свердловска в разное время по ночам на остановках и тротуарах из особых генераторов были распылены споры сибирской язвы. Не на руку сторонникам теории «заводского» заражения играет информация о радиоэфире «Голоса Америки» от 5 апреля 1979 года, в ходе которого объявили о вспышке на Урале именно сибирской язвы. Как удалось западным «экспертам» так быстро отреагировать и точно указать причину заболеваемости? У американцев, очевидно, была разработана целая про-

грамма подобной подрывной деятельности, которую, кроме Свердловска-19, апробировали в 1979—1980 году на Зимбабве (сибирская язва) и на Кубе в 1981 году (лихорадка Денге). В итоге эпидемия в уральском городе унесла от нескольких десятков до нескольких сотен жертв среди гражданского населения и военнослужащих. Большая часть их похоронена в 15-м секторе Восточного кладбища с соблюдением всех правил дезинфекции. Промышленный выпуск бактерий сибирской язвы в Свердловске-19 был прекращен в 1981 году и переведен в казахстанский Степногорск. В конце 1988 года запасы сибирской язвы, которые якобы были получены на предприятии, были вывезены на остров Возрождения и захоронены. Вся информация о произошедшей в Свердловске вспышке смертельно опасной болезни была сразу же засекречена и остается под грифом «Секретно» по сей день. Семьям погибших свердловчан и участников ликвидации последствий эпидемии сибирской язвы начали выплачивать пенсии только в 1992 году, когда президент России Борис Ельцин, бывший в те годы руководителем Свердловского обкома КПСС, своим указом фактически приравнял их к ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС.

Курусима и Кикути трудились «на удалёнке» от спецлагеря №48 вплоть до 1956 года, пока в связи с улучшением советско-японских отношений не были освобождены от уголовной ответственности и репатриированы в Японию. А решение об этом принял ещё один оборотень Никита Сергеевич Хрущёв, начавший разрушать сталинскую империю и даже подписавший совместную декларацию о готовности отдать японцам острова Курильской гряды…

3

Наследник Великой Китайской Империи, трижды ставший оборотнем, Император Айсингёро Пу И, свергнутый революцией в 1911 году, когда ему было пять лет, больше половины жизни пытался вернуть себе власть, а потом и просто сохранить жизнь. Для этого он сначала пошел на сотрудничество с японскими оккупантами и с их помощью стал правителем на исторически принадлежавшей его династии территории Маньчжурии. Однако в 1945 году границу северного Китая перешли советские войска, и правитель Маньчжоу-го стал пленником русских. Сталин держал его 5 лет в советском плену в СССР, и тот ползал в ногах, прося не выдавать его на родину, готов был вступить в коммунистическую партию и жениться на русской, отдать все свои фамильные сокровища и дать любые показания против своих прежних хозяев на Токийском процессе, писал униженные прошения, недостойные своего происхождения. А, вернувшись в Китай, пресмыкался перед китайскими коммунистами и был пешкой в их руках без какого бы то ни было чувства собственного достоинства.

Японская Квантунская армия, защищавшая Маньчжоу-го, начала терпеть поражение за поражением с 9 августа 1945 года, когда коммунисты вторглись в пределы марионеточного государства со стороны Монголии. Пу И подписал отречение от престола и попытался бежать на территорию Кореи, которая являлась по сути японской провинцией. В дороге он узнал, что 15 августа японский император по радио объявил о капитуляции Страны Восходящего Солнца. Пу И сменил планы и вместе с родственниками был готов вылететь на Японские острова. Но советские десантники взяли его в плен на аэродроме в Мукдене, обезоружив охрану бывшего императора. По одной из версий, «верховного правителя» Маньчжоу-го задержали в тот момент, когда он уже шел к самолету. Поначалу десантники не знали, что на аэродроме находится Пу И – об этом им рассказал русский эмигрант в японском мундире из «Отряда Асано». Первое, о чем поинтересовался Пу И у советских воинов – останется ли он в живых. Впрочем, китайские историки предполагают, что между разведками японцев и русских была тайная договоренность о судьбе императора. Да и хитрый Яков Тужуркин впоследствии написал в мемуарах, что высадка десанта на аэродром в нужный момент не была случайностью.

Пленный император был под охраной доставлен в Читу на самолете, взлетевшем с того же аэродрома. В советском плену он находился 5 лет, проживая сперва в Чите, а потом в Хабаровске. Под нужды экс-императора и его родни было передано двухэтажное здание на улице Саперной, которое ранее по странному совпадению занимали чекисты. Правда, вместе с ним содержались и высокопоставленные японские военные. Прослушка была налажена хорошо. После того, как Пу И выступил в качестве свидетеля обвинения на Токийском процессе (выступал в течение восьми дней), ему позволили жить на даче высшего армейского командного состава. Из своего огромного имущества он смог вывести из Маньчжурии только два чемодана с драгоценностями и ритуальными предметами культа. Сразу после ареста Пу И рассказал русским всё, что знал о политике японцев в Маньчжоу-го. ***В том числе и о том, где находились склады бактериологического оружия.*** Возможно, именно благодаря его показаниям, удалось предотвратить лишние жертвы, поскольку командование Квантунской армии готово были пойти до конца и сражаться даже после капитуляции Токио. Бывший император написал несколько писем лично Сталину. Он благодарил советского генералиссимуса за освобождение Маньчжурии от японцев и подробно описывал, до какого бедственного положения оккупанты довели его подданных, обирая их до нитки и приучая к курению опиума. Пу И просил, чтобы ему позволили остаться в СССР и выражал желание продолжить свое образование – по его словам, будучи императором, он не имел досуга, чтобы взяться за книги. В 1949 году с установлением в Китае власти коммунистов Пу И написал письмо с просьбой не передавать его китайским властям. Он также писал, что знакомство с трудами Маркса и Ленина в тюремной

библиотеке произвело на него глубокое впечатление и изменило его мировоззрение. Одновременно пленник предлагал передать советскому правительству находившиеся у него драгоценности и даже изъявлял желание вступить в коммунистическую партию. В посланиях главе советского государства Пу И утверждал, что он был полностью изолирован от внешнего мира и не имел никакой возможности сопротивляться действиям «японской военщины». Он свидетельствовал о насильственно насаждавшемся в Маньчжурии культе японской богини Аматэрасу. Известно, что Пу И даже просил у Сталина разрешения жениться на русской девушке из числа прислуги, но получил отказ. Как полагают современные историки, маньчжурский император рассчитывал прожить в Советском Союзе какое-то время, а затем эмигрировать на Запад. Имевшееся при нем фамильное золото могло обеспечить ему безбедное существование до конца дней. Несмотря на мольбы бывшего императора, в СССР его не оставили. Во-первых, доводы Пу И о том, что он не имел реальной власти, оказались сомнительны. В частности, японцы предоставили суду бумагу, в которой император благодарил их за доверие и передачу Маньчжоу-го в его руки. Этот документ мог кардинально изменить судьбу Пу И, и он даже солгал, что надпись сделана не его рукой. Хотя результаты почерковедческой экспертизы обнародованы не были, в Москве прекрасно понимали, что заверениям последнего представителя династии Цин о его неучастии в преступлениях японцев грош цена. Во-вторых, для Сталина дружба с Мао Цзэдуном оказалась важнее судьбы высокородного пленника, который уже не представлял никакого политического интереса ни для кого, кроме китайцев. В 1950-м году Пу И был отправлен из Хабаровска в Китай. По дороге он даже совершил попытку суицида. Но в Китайской Народной Республике жизнь последнего императора сложилась не настолько плохо, как он предполагал. Он был направлен в Фушуньскую тюрьму для военных преступников и спустя 10 лет освобождён как «перевоспитавшийся» в 1959 году по особому разрешению Мао Цзэдуна. Отбыв срок заключения, Пу И вышел на свободу и с 1959 года поселился вновь в Пекине, где работал в ботаническом саду, а затем архивариусом в национальной библиотеке. Заявил публично о том, что принимает народную власть. Осенью 1961 года состоялась встреча с председателем КНР Мао Цзэдуном. С 1964 года Пу И был членом политико-консультативного совета КНР. С одобрения Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая написал мемуары «Первая половина жизни» (которые были переведены на английский под заглавием «От императора до гражданина»), в коих предстаёт как чисто формальный властитель, с чьим мнением никто не считался. Некоторые историки предполагают, что Пу И мог сознательно преуменьшать свою политическую роль, опасаясь обвинений в военных преступлениях Японии. Книга представляла собой коллективный труд безымянной группы высококвалифицированных специалистов-историков, привлеченных в помощь «автору». По мнению авторитетных китаеведов, «по богатству содержащегося в ней фактического материала, что само по себе требовало проведения специальных исследований, по характеру изложения и своему литературному стилю, эта книга явно выходит за пределы интеллектуального уровня, эрудиции и литературных способностей Пу И». Бывший император, как воплощение старого режима и реакционной монархии, был одной из очевидных потенциальных мишеней Культурной революции 1966 года, поэтому ему обеспечили государственную защиту. В итоге можно сказать, что Пу И всю жизнь, проявляя политическую беспринципность, был малодушным трусом, боявшимся сначала быть убитым японцами, затем лебезившим перед Сталиным, чтобы жить в СССР или со временем сбежать в США либо Великобританию (как союзников по антигитлеровской коалиции), а в конце жизни униженно подыгрывавшим руководителям КНР в их апологетике маоизма.

Что качается Мао Цзэдуна, то у него была своя многоходовая игра, которая на начальном этапе сильно зависела от Сталина. Ещё с 1930-х годов, когда он стал руководителем коммунистических районов в провинции Цзянси, Мао придерживался мнения о необходимости выработки особой коммунистической идеологии для Китая. Фундаментальным элементом такой идеологии должен был стать культ личности самого Мао Цзэдуна, превосходящий развенчан-

ный Хрущёвым культ личности Сталина. По общему тиражу печатных изданий произведения Мао Цзэдуна стоят на втором месте в мире после Библии.

Но пока Сталин был жив, Мао Цзэдун понимал, «кто в доме хозяин». Мао Цзэдун лишь дважды в жизни выезжал за рубеж. И оба раза – в Советский Союз. По одному этому можно судить, какое значение он придавал отношениям Китая и СССР. В конце 40-х годов Сталин ещё надеялся на улучшение отношений с бывшими союзниками, хотя в то время уже сколачивался военный блок, направленный на противоборство с СССР. 27 января 1949 года в интервью генеральному директору американского агентства «Интернэйшнл ньюс сервис» в Европе Кингсбэри Смиту, опубликованному в «Правде», Сталин заявил, что «правительство СССР могло бы сотрудничать с правительством Соединенных Штатов Америки в проведении мероприятий, которые направлены на осуществление Пакта Мира и ведут к постепенному разоружению». Он предложил Трумэну встретиться на территории СССР, Чехословакии или Польши, на что американский президент ответил… молчанием. Образование НАТО было уже делом решённым, к тому же Трумэн не был уверен, что со Сталиным удастся договориться. Они уже вели переговоры летом 1945 года в Потсдаме, и от той встречи у американца остались не самые лучшие воспоминания. Наверное, как и у Сталина… В апреле 1949 года был создан военный блок НАТО, где главные роли играли США, Великобритания и Франция. Тем не менее, в сентябре Сталин пытался заключить союз с этими странами, добавив туда Китай. Однако идея не нашла поддержки у партнёров. Думал ли Сталин о создании военного блока социалистических стран в противовес НАТО? Такого предложения от него не исходило, но это не значит, что мысли такой у него не было. И вполне возможно, он представлял в будущем военный союз СССР и Китая…

Летом 1947 года Сталин выразил согласие на приезд Мао в Советский Союз. Однако это могло вызвать осложнения со страной, которая имела с СССР дипломатические отношения – Китайской республикой под руководством Гоминьдана. И потому Москва дала отбой, проявив лукавство: мол, отсутствие Мао может повредить положению на фронтах в Китае. Коммунисты воевали тогда со сторонниками партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши. Сталин вёл сложную игру – уверял Вашингтон, что хочет иметь дело с Чан Кайши, удерживая США от вмешательства во внутреннюю борьбу в Китае. Однако Сталин помогал и Мао, открыв для него свои арсеналы. Спустя год, в 1948-м, Мао снова засобирался в Москву, но его опять охладил Сталин. Причина отказа была всё та же. Сталин и позднее под разными предлогами отодвигал встречу с Мао. Возможно, советский вождь ждал исхода военного противостояния Мао и Чан Кайши, к тому же не хотел слишком афишировать свои отношения с лидером китайских коммунистов. После провозглашения 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики вновь встал вопрос о поездке Мао в Москву – уже как главы правительства. На сей раз Москва не возражала. Китайский лидер сообщил о своем желании посетить советскую столицу в декабре, чтобы «лично поздравить товарища Сталина с днем рождения»… Мао очень готовился к этому приезду. Он лично подбирал подарки Сталину. Таких подарков был целый вагон. Он чрезвычайно волновался, считал почему-то, что со Сталиным будет встречаться чуть ли не каждый день, обсуждать вопросы мира, войны, взаимоотношений, очень хотел подписать договор о дружбе с Советским Союзом… Началось с того, что Сталин его не встретил на вокзале. После этого Мао Цзэдун оказался запертым на даче. Сталин его не приглашал, не встречался с ним. И это продолжалось очень долго. Неожиданно Мао Цзэдун был приглашен на заседание в Большой театр, где он сидел… по правую руку от Сталина. Но это был единственный такой жест. Все остальное Сталин буквально игнорировал.

Однако в конце концов Сталин после признания Китая Англией в январе 1950 года стал волноваться, как бы чего не вышло, и, пойдя наконец на переговоры с Мао Цзэдуном, стал обсуждать вопрос подписания договора. Китай традиционно был объектом борьбы великих держав за влияние. И эта борьба ещё больше обострилась после Второй мировой войны, когда

мир начали делить уже победители. Британцы были недовольны чрезмерным усилением влияния США в Азии после войны. Сразу после приезда Мао в СССР Британия демонстративно признала в качестве легитимного правительства Китая компартию, а не тайваньское правительство Чан Кайши, которое поддерживали США. В то время в американском руководстве боролись два подхода. Один предполагал поддерживать Чан Кайши до конца. Другой подразумевал признание Мао Цзэдуна и попытки включения его в свою сферу влияния. Сталин, узнавший о решении британцев, начал настойчиво добиваться от Мао союзного договора, стараясь опередить американцев. Он опасался, что американцы передумают насчёт Мао, и даже согласился пойти на несвойственные ему большие уступки и компромиссы, чтобы заинтересовать того союзом и достичь договорённости как можно скорее. После заключения договора КНР и СССР второй подход в США уже не мог победить, поскольку СССР хоть и на время, но оставил Китай в своей сфере влияния. Им уже ничего не оставалось, кроме как упрямо поддерживать крохотный Тайвань, тогда как континентальный Китай был для США закрыт на протяжении следующих двадцати лет. Англичанам это было только на руку. В долгий союз СССР и Китая они не верили. Зато этот временный союз становился преградой дальнейшей экспансии США в регионе и даже имел определённый провокационный эффект. Поскольку он был открыто направлен против Японии и стоявших за ней США. В 1949 году Европа уже была на грани новой войны из-за Берлинского кризиса. Однако уловка с Китаем позволила перенести конфликт двух сверхдержав в Азию, где уже через полгода после подписания договора вспыхнула Корейская война.

Сталин форсировал переговоры, особенно после того, как ему стали сообщать о том, что Мао Цзэдун готов уехать из России, поскольку уже полностью потерял терпение. Встреча Сталина и Мао Цзэдуна с виду была тёплой, сердечной. Однако обнаружились и разногласия. Гость, в частности, хотел, чтобы Советский Союз помог ему в захвате Тайваня, куда бежали гоминьдановцы. «Оказание помощи не исключено, но формы помощи нужно обдумать, – ответил Сталин. – Главное здесь – не дать повода американцам для вмешательства. Что касается штабных работников и инструкторов, то их мы можем дать в любое время. Остальное обдумаем». 21 декабря 1949 года состоялось чествование Сталина, которому исполнилось 70 лет. Поздравление Мао был ярким и эмоциональным. Сталин совершил ответную любезность – на приёме, когда зазвучали здравицы в честь руководителей и народов социалистических стран, первым он предложил тост за Мао. Однако, по словам Андрея Громыко, который был в то время заместителем министра иностранных дел, их общение было тяжелым. В своих мемуарах «Памятное» Громыко писал: «Мне, как участнику этих бесед и встреч, бросилось в глаза, что между двумя лидерами – Сталиным и Мао Цзэдуном разговоры завязывались, так сказать, с заминкой. Обменивались они несколькими фразами, разумеется, через переводчика, а затем наступала пауза, которая, однако, длилась далеко не минуту. Это отмечалось и за обедом, где два лидера сидели рядом… На следующий день я услышал от других товарищей, что, по их мнению, за обедом у „большой двойки“ не хватало сердечности. Через несколько дней атмосфера в общем не изменилась…»

Тем не менее, беспрецедентно длинный, двухмесячный визит Мао в СССР зимой был в итоге не просто успешным. Четырнадцатого февраля 1950 года был заключён советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, согласно которому СССР безвозмездно передавал Китаю всё имущество КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога, построенная ещё во времена царской России), возвращал арендованный незамерзающий порт Дальний, предоставлял кредит на максимально выгодных условиях и присылал Китаю лучших специалистов для быстрого подъёма промышленности. Столь щедрые уступки были не в характере советского лидера. Иосиф Сталин, вероятно, пошёл на самые большие компромиссы за время своего правления, чтобы заключить этот договор. Но как можно объяснить столь необычную щедрость генералиссимуса? Кто кого перехитрил из двух диктаторов?

Согласно одной версии, необычайная уступчивость Сталина в переговорах с китайским лидером была частью крайне хитрой комбинации, призванной посадить Мао на крючок, но при этом убедить всех, в том числе и его самого, что Мао вышел победителем. Китай на протяжении нескольких веков находился в сильной зависимости от иностранных держав, и это положение сильно уязвляло национальную гордость китайцев. Мао одолел всех конкурентов не столько как марксист-коммунист, сколько как националист. Одним из его излюбленных лозунгов было изречение «Китай выпрямился во весь рост». Это означало, что диктат иностранных держав и их вмешательство теперь в прошлом, новый Китай будет принципиально другим. Мао надо было скормить наживку в виде ряда демонстративных уступок, пожертвовать малым, чтобы в перспективе получить большее. Этим малым оказались КВЖД и порт Дальний. КВЖД, доставшаяся СССР в наследство от Российской империи, в 20-е годы управлялась скорее номинально и была постоянным источником конфликтов. Поэтому в 1934 году по решению Сталина она была продана Маньчжоу-го (де-факто Японии). Однако после окончания Второй мировой и разгрома Японии дорога вновь отошла в управление к СССР вместе с незамерзающим портом Дальний (Далянь). Дорога и порт имели ценность на случай военного конфликта в Маньчжурии. Но после установления в Китае коммунистической власти и разгрома Японии вероятность такого конфликта существенно снижалась. А в случае, если бы он всё же произошёл, Китай предоставил бы доступ к дороге по условиям военного союза. Вдобавок СССР получил от Японии Курилы (и, соответственно, Курильские проливы, обеспечивавшие выход в океан), благодаря чему отпала острая надобность в дополнительном тихоокеанском порте. Таким образом, и дорога, и порт были той уступкой, на которую в Кремле пошли, чтобы вынудить Мао к уступкам в другой сфере. Прежде всего, в Синьцзяне и на Хайнане. Синьцзян, граничивший с СССР, считался главным «сухопутным портом» Китая. В случае потери морских портов на побережье именно он был бы для Китая «окном на Запад». В 20—30-е годы влияние СССР в регионе было огромным. При этом оно сохранилось и после подписания договора, поскольку СССР настоял на создании совместных советско-китайских предприятий. Этот регион был не только стратегически важен, но и располагал ценными ресурсами (нефтью и вольфрамом прежде всего). Кроме того, СССР предоставил в кредит технику и средства для создания каучуковой плантации на Хайнане. Каучук в СССР не производился, и в отношении этого ценнейшего сырья Москва оказывалась зависима от иностранных (зачастую капиталистических) держав. Таким образом, в обмен на уступку уже проданной дороги СССР получал пусть и временную, но безопасность на особенно уязвимых южных границах. А также огромный рынок для сбыта товаров и технологий (кредиты выдавались Китаю под приобретение советской техники и товаров). Через создание совместных предприятий СССР получал доступ к редкому сырью, которое отсутствовало в стране. Фактически Китай оказывался накрепко привязан к СССР, став его главным торговым партнёром. Наиболее ценные в экспортном отношении товары уходили именно в СССР, причём сами китайцы были убеждены в том, что курс рубля к юаню был искусственно занижен и сырьё доставалось СССР дешевле.

Впрочем, согласно другой версии, уже Мао перехитрил Сталина. Китайский лидер прекрасно понимал, что условия договора свяжут Китай и СССР гораздо сильнее, чем ему этого хотелось бы. По этой причине он даже отказался лично подписывать договор непосредственно со Сталиным. В итоге подписями его скрепили лишь министры иностранных дел обеих стран. Но вместе с тем, Мао осознавал, что это временная ситуация. Мао было за 50, а Сталину уже за 70 лет. Он также понимал, что после Сталина не останется сколько-нибудь серьёзной политической фигуры, все потенциальные преемники вождя были лишь исполнительными бюрократами. Мао автоматически превращался в фигуру номер один в мировом коммунистическом движении после смерти Сталина и уже по-другому мог разговаривать с Кремлём. Но разорённому десятилетиями войн и нестабильности Китаю требовалась поддержка здесь и сейчас. И он

решил на время поступиться своей гордостью, чтобы с помощью советских кредитов и специалистов Китай «выпрямился во весь рост». А затем, уже после смерти Сталина, с Москвой можно было порвать под надуманным предлогом, что и произошло при Хрущёве.

Считал ли Мао, что вскоре (или уже тогда?) сможет заменить стареющего советского вождя в качестве лидера мирового коммунистического движения. Если да, то понравиться это не могло ни Сталину, ни тем более сменившему его на лидерском посту Никите Хрущёву, который ради самоутверждения во власти затеял борьбу с покойным, развенчивая «культ личности». Чувствовал ли себя Мао китайским Сталиным? Есть все основания считать, что да. Советский руководитель не случайно долго «держал его на цыпочках», не давая приехать и сделать решающий шаг в сторону союза с СССР. Сталин не хотел продемонстрировать всему миру, что Мао Цзэдун является его сателлитом и приезжает в Москву за указаниями. Сталин разыгрывал карту, что, якобы, китайцы – демократы и никакого отношения к СССР не имеют. Откровенно обманывал США: отвечая просто на вопрос посла Гарримана, имеет ли СССР какие-то связи с китайскими коммунистами, Сталин говорил: «Какие китайские коммунисты? Мы таких не знаем. Там какие-то националисты сидят»… И Молотов говорил то же самое. Дело в том, что Сталину гражданская война в Китае была крайне выгодна. По одной простой, но очень веской причине – эта война ослабляла Китай. Чтобы понять важность «добрососедских отношений» между СССР и Китаем, достаточно посмотреть на протяженность их общей границы. Сильный Китай не был нужен Сталину, более того, был для него чрезвычайно опасен. Потому, с точки зрения интересов СССР, потенциал роста восточного соседа следовало максимально уменьшить. Самым верным средством для этого было разжечь в Китае гражданскую войну и поддерживать её как можно дольше. Не давая ни одной из сторон довести дело до решительной победы. Эту задачу и решал Сталин своими движениями в Маньчжурии. По этой же причине он отказал Мао в поддержке при планировании последним окончательного разгрома чанкайшистов на Тайване. Плюс Сталин не хотел открытого столкновения в Азии с США, что могло привести к ядерной войне. Даже в последовавшей вскоре войне в Корее он старался держать советскую помощь в тени, отдав авансцену амбициозному китайскому коммунисту, который таким образом доказывал свою верность марксизму и пролетарской солидарности с КНДР. Не последнюю роль играли и территориальные притязания китайцев, которые были у них не только к СССР, но и к Монголии, Индии, Пакистану, Японии, причём у Гоминьдана даже в большей степени, чем у КПК.

Как бы то ни было, два государства-гиганта заявили о своём стремлении развивать отношения в разных областях. Благодаря Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи, древняя «спящая империя» была преобразована, были созданы современные отрасли экономики, значительно укрепилась военная мощь республики. При Сталине Мао больше не приезжал в СССР. Он не появился в Москве и на похоронах советского лидера в марте 1953 года, прислав вместо себя премьера Государственного административного совета КНР Чжоу Эньлая. Тем не менее, Мао всегда уважительно отзывался о Сталине. В 1957 году, когда состоялся второй визит Мао Цзэдуна в Советский Союз, в беседе с Громыко, который встречал гостя уже в ранге министра иностранных дел, Мао заверял, что «Китай никогда не пойдет на ухудшение отношений с Советским Союзом и будет совместно с вами выступать в борьбе за мир». То, что Мао Цзэдун был оборотнем, выяснилось уже очень скоро…

4

Прибыв в Сан-Франциско, мичман Николай Илларионович Чертков (Мастер) попал не в совершенно чуждую среду, как предполагал во время своего долгого путешествия. Здесь уже осели многие русские, в том числе и харбинцы, и ему даже посодействовали в нахождении работы по профилю: как и в Маньчжурии, он начал преподавать японский язык, поскольку перспектива начала войны на Тихом океане с каждым днём делалась всё очевидней. Труднее было с постоянным жильём, но и тут сказалась русская взаимовыручка, правда, самым неожиданным образом. Его познакомили с американцем русского происхождения по имени Дик Петров. Когда Мастер впервые поздоровался с ним и попытался завести беседу, оказалось, что этот здоровый добродушный детина с бородой, с виду типичный купец первой гильдии, ни слова не знал по-русски. Сын и внук аляскинских русских, оставшихся после «сделки века» в Америке, был уже абсолютным американцем, и только фамилия напоминала о его корнях. У Дика был друг Джим Лоукс, безумно энергичный рыжий бизнесмен, продюсер в песенной индустрии, у которого был ладный деревянный домик в два этажа на улице Ромейн, что в верхней части Маркет-стрит – место самое что ни на есть удобное, и тот готов был сдать второй этаж с отдельным входом Мастеру по весьма сходной цене. Это потом Николай Илларионович узнал, что, как и многие в этом городе, да особенно в шоу-бизнесе, Джим был нетрадиционной ориентации, но, что там делалось на первом этаже, его не касалось, а локация была прекрасная, и они даже договорились, что со временем, если дела пойдут хорошо, Мастер выкупит весь дом. Непоседа Лоукс всё время собирался то в Лос-Анджелес, то поближе туда, где разыгрывают премию Грэмми.

Среди студентов и слушателей Мастера были и военные. Его даже звали переехать в Университет на Гавайях, где была крупная военно-морская база в Пёрл-Харборе, прельщая курортным климатом и высоким жалованьем. Но что-то удержало Николая Илларионовича – сам он думал, что это опасение оторваться от русской общины, Но, наверно, это была сама Судьба.

Ещё до начала большой войны он задумал написать книгу о природе человека на основе того страшного опыта, который он получил в войнах и революциях, в скитаниях и страданиях, в раздумьях и превозмогающей всё любви к жизни. Но это должны были быть не просто мемуары. Мастер решил, что он напишет «Хроники фанатизма». Это будет труд о человеческой цивилизации на излёте второго тысячелетия, ибо никогда ещё в истории не было столько жертв и безумств, как в XX веке. Сейчас, выйдя на пенсию, он вернулся к этой идее, поскольку свободного времени у него прибавилось. Однако, осмыслив весь масштаб проекта, он понял, что не будет замахиваться на глобальное исследование от европейской инквизиции до исламского фундаментализма и вывел подзаголовок: «От России до Китая». Во-первых, это было его личным опытом и прошло через судьбу, а во-вторых, это и так была почти половина человечества – самые крупные по территории и населению державы, которые к тому же объединились именно на основе фанатичной идеологии.

Итак, после изучения немалого количества специальных психологических книг в Стенфордском университете Мастер начертал на чистом листе: «**Фанатизм** – это слепое следование каким-либо убеждениям с обязательным навязыванием этих убеждений другим; радикальное следование каким-либо идеям, обычно сопровождающееся нетерпимостью ко всем прочим идеям и их носителям. Фанатизм – это также серьёзное психическое заболевание, выражающееся, как отсутствие критического восприятия своих убеждений. Термин происходит от латинского слова „фанум“, которое означает „храм“ или „священное место“ вообще. В древние времена религия имела высший авторитет, а любая сильная власть держалась исключительно на религиозном страхе. В отдельных частях мира это распространено и поныне; так, в африканских странах президенты и диктаторы всерьёз считаются богами или имеющими пря-

мую связь с божествами и духами, их портреты развешиваются в католических храмах в качестве икон…» И тут же Николай Илларионович поймал себя на мысли, что смешно говорить о каких-то африканских вождях, когда ленинизм наряду со сталинизмом был сделан религиозным культом для русских, а маоизм – для китайцев. «Почему, – начал записывать он тезисно, – было сокрушено тысячелетнее православие, истреблены многие тысячи священнослужителей, разрушены храмы, сформировано „Общество воинствующих безбожников“, уничтожены уникальные иконы и переплавлены на металл драгоценные предметы культа? Да потому что на выжженной духовной почве надо было утвердить имя нового бога пролетарской революции, соорудить ему после смерти храм-мавзолей на Красной площади, выставить почётный караул и проводить с этой трибуны все сакральные действа новой власти. Наряду с новым богом должны были появиться новые апостолы, и они захоронены там же у Кремлёвской стены. Их именами – душегубов и террористов, государственных преступников и маниакальных убийц – будут названы города и улицы, заводы и колхозы, учреждения культуры и образования… А вся прежняя история будет зачёркнута, оболгана и извращена. Вырастут поколения фанатиков, для которых нет иных ценностей, кроме этих злонамеренно придуманных, и это общество будет воспроизводиться, а специально обученные надсмотрщики будут следить, чтобы система не менялась в своих базовых установках, даже когда коммунизм падёт…» Мастер сознательно оставлял за скобками создание идолов в спорте, искусстве и молодёжных субкультурах – он писал о политике: «Фанатизм является страшнейшим бедствием как для общества в целом, так и для отдельной личности. Фанатик неизменно предстаёт перед нами психически нездоровым человеком, который не способен отвечать за свои поступки. А поступки эти могут быть губительны для всей нашей планеты или отдельных её частей, чуть только фанатик будет допущен до власти. В царской России фанатизм начался с террора в отношении высокопоставленных особ и достиг крещендо в „красном терроре“ гражданской войны и ужасах сталинского ГУЛАГа. В Китае же жертвы гражданской войны исчислялись десятками миллионов человек, но и после образования коммунистической республики от фанатизма „культа личности“ пострадало несметное количество людей. Фанатизм – это всегда насилие, несвобода и манипуляции». Мастер на минуту задумался над собирательным образом фанатика и почему-то вспомнил съезд Русской Фашистской партии в Харбине, удерживая себя от того, чтобы начать думать о германском нацизме и перенестись на европейскую почву: «Поведение фанатика резко выделяет его из группы других людей. Это не только максимальная увлечённость собственным делом, идеей или кумиром. Так, фанатически настроенный человек часто проявляет агрессию едва ли не ко всему окружающему. Ведь в любом случае большинство людей не придерживаются его убеждений, да и само устройство окружающего мира подчас разубеждает фаната в его навязчивой идее. Такой человек проявляет повышенную замкнутость, стремясь общаться только с теми, кто разделяет его мнение. Став фанатиком, человек утрачивает интерес к прежним занятиям, даже если они приносили ему максимум удовольствия. Нередко способность получать удовольствие вообще утрачивается – человек становится „верным псом“ своего кумира. Навязчивая идея фанатов порождает особую культуру, в которую входят характерные ритуалы и терминология. Поскольку человек, впавший в фанатизм, перестаёт интересоваться разнообразием окружающего мира, то для него исчезает само понятие истины. Отныне он готов отстаивать только своё мнение, независимо от того, соответствует оно реальности или нет. Можно сказать, что такой человек с головой погрузился в свой придуманный мир и утратил всякую связь с миром внешним. А это уже явные признаки психического заболевания». Мастер вспомнил хронику похорон Ленина, которая ужаснула его – ведь наряду с согнанными на массовое мероприятие членами партии, участвовали и тысячи одурманенных людей… Поддавшись настроению, он на одном дыхании написал стихотворение «Вожди истребляются дважды»:

Гуттаперчевый Ленин слова золотые во рту

Так зажал, что не вырвешь под самою страшною пыткой,
Словно хочет сказать: «Я уже погружён в темноту,
Но не смог на тот свет перебраться я с первой попыткой».

Прямо в сердце стреляла косая Фаина Каплан,
Изнутри разъедала проклятая мозга сухотка.
Но вожди пролетариев всех им разбуженных стран,
Что им делать с усопшим кумиром, продумали чётко.

И на место икон водрузили портреты его,
А на всех площадях, как грибы, появились скульптуры —
Стал он богом, пророком и первопричиной всего
И столетья собой зачеркнул предыдущей культуры.

Только боги нетленны. И тем инквизиция злей,
Чем слышнее в народе сомнений крамола и ропот.
«Бог» наказан бессмертием. И заточён в мавзолей,
Чтоб никто не услышал его умоляющий шёпот:

«Схороните меня иль на адском сожгите огне —
Даже проданной чёрту душе не хватает терпенья.
Лучше сразу за все злодеянья воздастся пусть мне,
Чем пустое безвременье, без упокоя смятенье…»

Между злом и добром долговечны любые дела —
Незавидная участь презревших всевластие Божье:
Их резиновых мумий хранимые в склепах тела
Умирают опять вместе с созданной ими же ложью.

Если кто-то захочет Россию поднять на дыбы,
Сколько б ни было власти и денег, но всё же однажды
Он умрёт, чтоб остаться заложником вечной борьбы.
Ведь вожди, как шпионы, всегда истребляются дважды.

«В основе всякого фанатизма лежит определённая идеология. А всякая идеология (хоть религиозная, хоть политическая или ещё какая) предоставляет человеку сильно упрощённую, искажённую и предельно понятную картину мира, эдакую готовую информацию со всеми выводами, что избавляет человека от необходимости думать самому. То, что эта готовая информация может не соответствовать реальности, приверженца фанатизма не волнует: он в принципе не желает жить в реальности, ему приятнее маленький аквариум, предоставленный идеологией. Кроме того, есть сознательное дозирование информации, чтобы держать человека в неведении. Под это выстраивается вся пропагандистская система, начиная с литературы, печати, радио, кинематографа, где всё должно работать на мифотворчество, наряду с жёсткой цензурой и преследованием за инакомыслие».

Мастер увлёкся своим исследованием порождаемых фанатизмом вирусов ненависти и геноцида и просидел за рукописью до первых петухов. Сделав себе кофе, он машинально включил радио. Диктор объявил, что только что началась война в Корее…

…Кореец со странным для русского уха именем Тян Ган Дон происходил из клана Андонов, что жили в одноимённом древнем городе на пути из Пусана в Сеул. Про Андон говорят,

что «это – столица корейского духа». И действительно, на окраинах города сохранилось множество старинных домов, а их жители одеваются в те же одежды, что и их предки веками назад. Но не в домах и одежде сохранился дух Страны Утренней Свежести, он витает в воздухе, помогает понять важность и смысл жизни, а также семейных ценностей. Правда, с семейными ценностями лично Тяну не повезло – он был не то восьмым, не то двенадцатым ребёнком в семье (кто их считает?), рос на улице впроголодь и вырос в злобного и грубого хищника без принципов и морали, готового на всё. Он хорошо помнил, как промышлял ещё в детских бандах своего города, ловил собак и ел их, чтобы не остаться голодным, как воровал, как пытал и насиловал тех, кто младше или слабее его. Не мог он забыть и первое совершённое им убийство ради денег, после которого он бежал на север страны в район Пхеньяна, а потом и вовсе через границу в Маньчжурию в город Мукден, где его уже никто не мог достать. Когда японцы заняли эту провинцию, провозгласив Маньчжоу-го, он подался сначала в Чанчунь, а потом и в Харбин, став подручным в японской жандармерии по пыткам, которые ему определённо нравились. Хотя первое время в Харбине он пытался устроиться на КВЖД, но русские железнодорожники поднимали его на смех, услышав имя. Не раз в отделе кадров ему задавали дежурный вопрос: «Имярек?», и Тян даже попытался сделать из него прозвище. Весёлые машинисты звали его Имярекович, но за глаза покатывались со смеху от его настоящего имени. Видимо, и это обстоятельство привило Тяну глубокую ненависть к русским.

Японской военной миссии в Маньчжурии очень скоро понадобились славянского вида диверсанты для засылки на советскую территорию. Но добровольцев явно не хватало, поэтому жандармы ловили молодых людей на улицах и убеждали не совсем гуманными методами. Тян любил вливать в глотку потенциальным рекрутам воду с керосином – задача была, не изувечить их, а сломить волю к сопротивлению. Совсем уж упрямых отправляли в качестве «брёвен» в «Отряд 731», но это уже была дорога в один конец. Тян Ган Дон не раз подумывал о том, чтобы перейти в тюрьму Отряда надзирателем, так как платили там хорошо (проект курировал лично император Хирохито и недостатка в средствах не было), но помнил пренебрежительное отношение японцев к корейцам и опасался сам попасть в разряд «брёвен». Постоянное пребывание в поле человеческих мук и страданий требовало снятия напряжения, которое алкоголь уже не давал. Тян пристрастился к опиуму, и это сдружило его с владельцем опиумного салона и борделя Ли Сифу. Впрочем, «дружба» была взаимовыгодной: Счастливчик Ли поставлял ему девочек и наркотик, а Тян «крышевал» его под видом японской жандармерии. Потом это сыграло с Ли злую шутку – он уехал в Нанкин, будучи уверенным, что находится у японцев на хорошем счету (завсегдатаями его заведения были и жандармские чины в Маньчжоу-го). Однако для японских регулярных частей, устроивших Нанкинскую резню, он был никем. В угаре безнаказанности они отрубили ему голову самурайским мечом, играли ею в футбол, а потом водрузили на кол вместе с головами других китайцев, привязанными за косы. Этот кошмарный снимок попал в газеты и ужаснул Мастера. Видел его и Тян Ган Дон, который подался в бега. Когда советская армия стремительно заняла Маньчжурию, Тян поспешил вернуться в Корею, чтобы затеряться в общей неразберихе и попытаться начать жизнь с чистого листа. К тому же при паническом отступлении японцев он кое-что прихватил из разбитых сейфов, так что на первое время средства обосноваться у него были…

Но не деньги сыграли в судьбе Тяна решающую роль. В 1940 году в плен к японцам попала первая жена командира 6-й партизанской дивизии корейцев Ким Ир Сена по имени Ким Хё Сун, воевавшая в его отряде, и по распоряжению жандармского начальства она должна была быть ими казнена. Но Тян Ган Дон проявил к соотечественнице несвойственное ему обычно сострадание (а, может, польстился на обещание щедрого выкупа, который в будущем даст её муж) и помог ей бежать, доложив японцам об исполнении приказа. Как бы то ни было, оказавшись после 1945 года в окрестностях Пхеньяна, он сразу же направился к помощнику пхеньянского коменданта Советской Армии Ким Ир Сену, хоть тот и был уже женат на другой

женщине. Ким вернулся в Корею в звании капитана РККА, награждённого Орденом Красного Знамени как «активный участник партизанского движения в Маньчжурии по борьбе с японскими оккупантами с 1931 по 1940 года». 14 октября 1945 года на пхеньянском стадионе состоялся митинг в честь Армии-освободительницы, на котором выступил командующий 25-й армией генерал-полковник Чистяков, представивший собравшимся Ким Ир Сена как «национального героя» и «знаменитого партизанского вождя». После этого Ким Ир Сен произнёс речь в честь Красной Армии. Так началось его восхождение к вершинам власти. Тяна он оценил с первого взгляда, как жестокого и на всё готового карателя. А поскольку уже тогда он вынашивал планы войны с Югом, такой человек ему оказался очень нужен. Он дал Тян Ган Дону место в комендатуре и принял в Трудовую партию Кореи со своей личной рекомендацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.